

УДК 8:17/51

Кузина О.В.*Московский государственный областной университет***ЭПОХА «СМУТНОГО ВРЕМЕНИ» НА СТРАНИЦАХ
«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» А.А. ДЕЛЬВИГА**

Аннотация. Статья посвящена изображению эпохи «смутного времени» на страницах «Литературной газеты» А.А. Дельвига. Показаны неоднократные обращения русских литераторов к изображению этого отрезка истории: в произведениях А.П. Сумарокова, А.С. Пушкина, Ф.В. Булгарина было представлено «смутное время». Подробно рассмотрен отрывок из романа Д.Ю. Струйского «Димитрий Самозванец», на примере которого можно судить о характере исторического романа 1830-х годов. Высказано предположение о том, почему газета отдала предпочтение роману Д.Ю. Струйского, а не Ф.В. Булгарина.

Ключевые слова: эпоха «смутного времени», историческое повествование, конкурентный характер, критический отзыв.

O. Kuzina*Moscow State Regional University***THE ERA OF «TIME OF TROUBLES»
IN «LITERARY NEWSPAPER» OF A. DELVIG**

Abstract. The article is devoted to the image of an epoch «time of troubles» in «Literary newspaper» of A. Delvig. It shows repeated appeals of Russian writers to the image of this segment of history: «time of troubles» was presented in the works of A. Sumarokov, A. Pushkin, F. Bulgarin. The article discusses in detail the excerpt from the novel by D. Struyskiy «Dimitry the Pretender», which can be seen as an example of the historical novel of 1830s. The author of the article suggests the reasons why the newspaper preferred novel of D. Struyskiy and not F. Bulgarin's one.

Keywords: era «time of troubles», historical narrative, the competitive nature, critical feedback.

Начало прозаическим публикациям в «Литературной газете» А.А. Дельвига положил роман – наиболее популярный у читателей того времени жанр. В газете были представлены две его жанровые разновидности: социально-психологический роман, синтезирующий принципы романтизма и реализма, и исторический, опирающийся на принципы реализма.

Исторический роман пользовался успехом наряду с социально-психологическим. Родоначальником жанра исторического романа, по общепринятому мнению, является В. Скотт. В России исторический роман начинается с произведения М.Н. Загоскина «Юрий Милославский». Однако пальма первенства в печати принадлежит неоконченному роману «Арап Петра Великого» А.С. Пушкина. Отрывок из этого романа был напечатан в номере 13 «Литературной газеты»

за 1830-й год, а в номере 5 была помещена рецензия А.С. Пушкина на роман М.Н. Загоскина. Очевидно, что «Литературная газета» стоит у истоков русского исторического романа. Структурообразующая основа исторического романа, по определению А.С. Пушкина, – сама «историческая эпоха, развитая в вымышленном повествовании» [1]. Эту формулировку, которую поэт применил к роману М.Н. Загоскина «Юрий Милославский», литературовед В.А. Недзвецкий раскрывает как «стремление уловить и воссоздать в «портретируемой» эпохе событие (узловую коллизию), способное, как капля воды окружающий ландшафт, отражать её духовную, нравственную, личностную или общественную особенность» [3, с. 26].

Многих писателей интересовала тема «смутного времени» – загадочно-го и противоречивого этапа в истории Российского государства. Одним из первых его изобразил А.П. Сумароков в трагедии «Димитрий Самозванец». Произведение было первый раз представлено в 1771 году на Императорской сцене в Санкт-Петербурге, в дальнейшем трагедия завоевала популярность у читателей.

Через некоторое время историческая тема «смуты» заинтересовала и А.С. Пушкина. В 1824 году он приступил к работе над трагедией «Борис Годунов», которая была завершена в Михайловском в ноябре 1825 года и напечатана в Санкт-Петербурге, в типографии департамента народного просвещения, в 1831 году. Путь трагедии к выходу в свет занял шесть лет.

Известно, что при создании трагедии Пушкин опирался на «Историю Государства Российского» Н.М. Карам-

зина, исторические хроники Шекспира и летописные памятники. Но произведение его было самобытным. Оно отличалось и от трагедии классицизма, и от шекспировской трагедии, и от западноевропейской историко-романтической драмы Шиллера и Гюго. Выход в свет «Бориса Годунова» не мог не отразиться на литературной жизни и, в частности, на публицистике 1830–1831 годов.

Русское общество живо отреагировало на выход в свет пушкинского произведения. Этот факт подтверждается перепиской Пушкина с друзьями, единомышленниками: П.А. Плетнёвым, М.Н. Волконской, В.К. Кюхельбекером... Е.А. Боратынский в письме к А.С. Пушкину, датированном декабрём 1825 года, пишет: «Жажду иметь понятие о твоём Годунове. Чудесный наш язык ко всему способен, я это чувствую, хотя не могу привести в исполнение. Он создан для Пушкина, а Пушкин для него. Я уверен, что трагедия твоя исполнена красот необыкновенных» [4, с. 304].

Исследователь Г.О. Винокур представил историю, связанную с «Борисом Годуновым». Пушкин отдал Николаю I читать трагедию, а тот её передал А.Х. Бенкендорфу и поручил найти критика, который бы оценил произведение. Таким человеком стал Ф.В. Булгарин – идейный противник Пушкина: он написал отрицательный отзыв о «Борисе Годунове» и затянул его публикацию. Сам же Булгарин в начале 1830-го года публикует исторический роман «Димитрий Самозванец», идею которого он позаимствовал, когда читал «Бориса Годунова». «Литературная газета» не могла в своих критических разборах не отреагировать на выход романа Булгарина.

Так, в № 11 за 1830 год в разделе «Смесь» названы основные произведения, которые так или иначе станут объектом критики газеты, причём некоторые из них – неоднократно: «Кажется, любителям чтения скоро не будет причины жаловаться на недостаток оригинальных русских романов. Теперь у них в руках «Юрий Милославский», исторический роман г. Загоскина и «Димитрий Самозванец», исторический же роман Булгарина <...> А. Погорельский, автор «Двойника», сочинил роман «Монастырка», который уже печатается...» (Т. 1, № 11, С. 90).

В № 14 за 1830 года в разделе «Библиография» А.А. Дельвиг опубликовал критический отзыв об историческом романе Ф.В. Булгарина «Димитрий Самозванец». Этот отзыв с полным правом можно назвать разгромным. По мнению А.А. Дельвига, Ф.В. Булгарин искажил правду художественную и историческую: «Автор пренебрёг главную цель романиста, а заботился о второстепенных <...>. Цель всех возможных романов должна состоять в живом изображении жизни человеческой <...> живописуя историческую картину, художник, разумеется, должен знать место, на коем действовали герои его, должен изучить черты лиц их, одежду и оружие их времени: но это необходимое не есть ещё главное, совершенно удовлетворяющее все требования искусства. Не поименованных кукол, одетых в мундиры и чинно расставленных между раскрашенными кулисами, желает видеть на картине любитель живописи: он ищет людей живых и мыслящих, а место и одежда должны только довершать очарование искусством обманутого

воображения. То же самое желали бы мы найти в романе Г. Булгарина» (Т. 1, № 14, С. 112).

И, тем не менее, А.А. Дельвиг считает необходимым вернуться к разбору этого произведения, разъяснить читателям все его особенности, поскольку роман найдёт много читателей и окажет влияние на русскую литературу. Как видим, критика «Литературной газеты» преследует не узко «аристократические» интересы элитарного кружка, занятого установлением законов искусства, но заботится о вкусе читателя, о распространении подлинных критериев художественности. И не случайно после отрицательных отзывов о романе Ф.В. Булгарина «Литературная газета», спустя некоторое время, в № 31 за 1831 год публикует отрывок из исторического романа Д.Ю. Струйского «Димитрий Самозванец».

Д.Ю. Струйский известен в наше время как поэт и музыкальный критик, писавший в 1829-1840-х гг. под псевдонимом «Трилунный». Часто упоминают о нём как о поклоннике Байрона и «малодаровитом» поэте. Эта характеристика берёт своё начало с суждения «Северной пчелы», отказавшей однажды Струйскому в публикации. В 1827 году вышла в свет поэма Струйского «Аннибал на развалинах Карфагена», но и это произведение было отрицательно оценено критиками и не принесло популярности автору. В творчестве Струйского действительно было немало неудач, но своеобразие его очевидно. Почти ничего не известно в наше время о прозаическом таланте автора, но талант этот неоспорим. Неёслучайно Д.Ю. Струйского как прозаика заинтересовала историческая

тема, и именно отрывок из романа «Димитрий Самозванец» был напечатан в «Литературной газете», которая явилась единственным влиятельным петербургским изданием, противостоявшим периодике Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча.

В начале XVII в. на Руси под именем царевича Димитрия выступали несколько самозванцев. В романе Струйского представлен Лжедмитрий I. Согласно данным современной исторической науки, это был галичский дворянин Григорий Отрепьев – чернец Чудова монастыря. В 1602 году он бежал в Польшу, где выдал себя за сына Иоанна Грозного. В 1605 году, после смерти Бориса Годунова, при помощи польских магнатов и скрытом покровительстве короля Сигизмунда он захватил русский престол. Был убит 17 мая 1606 года в результате заговора бояр, поддержанного выступлениями жителей Москвы. Во главе боярского заговора стоял князь Василий Шуйский.

Н.А. Полевой говорит об историческом повествовании: «Художественное воссоздание реалий отечественного прошлого вместе со свободным движением исторического сюжета давало возможность писателям органически ввести в повествование свои местности, свои события, свои присказки и поговорки» [2, с. 314].

Показательно, что Струйский заканчивает «Отрывок из нового романа “Димитрий Самозванец”» теми же размышлениями Григория о судьбе народа, с которых и начиналось повествование, но они имеют пессимистичный характер: «Да, народ всему радуется: звон колоколов привёл его в восторг; подождём ещё, и мы будем свидете-

лями, как восторг его затихнет вместе со звоном его колоколов» (Т. III. № 31. С. 252).

Характерной чертой для русского исторического романа первой трети XIX века стал отказ от усложнённой сюжетной организации, запутанной интриги и концентрации таинственного. Относительная простота сюжета служила важной для русского романа задачей, формирующейся уже на этом этапе литературного развития.

В отрывке из романа Д.Ю. Струйского ставится проблема нравственной оценки царя Бориса Годунова. Его историческая роль напрямую связывается с моральными качествами личности: «Василиса: “Теперь силён Борис, а я знавала его ещё и дитятею. Пословица говорит: каков в колыбельку, таков и в могилку”. Григорий: “А каков он был от колыбели?” Василиса: “Любил быть первым между мальчишками; зол, хитёр и увертлив, как лисица”» (Т. III. № 31. С. 248). И ещё: «Он [Борис Годунов – О.К.] принадлежал к тем исполнителям нравственного мира, которым для достижения истинного величия не достаёт одной только добродетели...» (Т. III. № 31. С. 245).

Д.Ю. Струйский активно использует прямую речь, что придаёт роману сходство с драмой. Автор воссоздаёт национальную и историческую атмосферу изображаемой эпохи, используя для этого не только описания и специфические детали, но и народную речь, пословицы, поговорки: «О мёртвых молчи, либо добро реки», «Григорий – большой краснойбай» (Т. III. № 31. С. 248).

Опубликованный в «Литературной газете» фрагмент с эпизодом коронации Бориса Годунова представляет со-

бой полилог, который, с одной стороны, закладывает сюжетную интригу вокруг Григория Отрепьева, а с другой – рисует разноплановую панораму исторического события, которая воссоздает и дух восторженной толпы, и скрытные, но значительные протестные настроения: «Народ: “Да здравствует отец наш Государь”». (Т. III. № 31. С. 246). «Чорт останется чортом, Борис – Борисом» (Там же). Образ героя создаётся через характеристики и комментарии остальных персонажей, а роль авторских пояснений сведена к минимуму: «Ты не откажешься полаять на кого бы то ни было!» «Правда, что ты – черно книжник?» (Т. III. № 31. С. 248).

Таким образом, на примере «Димитрия Самозванца» Д.Ю. Струйского можно говорить о характере исторического романа 1830-х годов. Несмотря на то что попытки изобразить этот отрезок истории предпринимались неоднократно, у Струйского было своё изображение времени «смуты». А.А. Дельвиг как редактор «Литературной газеты» отдаёт предпочтение «Отрывку из романа “Димитрий Самозванец”» Д.Ю. Струйского. Он замечает роман Булгарина «Димитрий Самозванец» и критически оценивает его на страницах издания. Тут, конечно, нельзя забывать об интересах газеты на «печатной арене» 1830-1831 годов, о полемике пушкинского круга с Булгариным и его единомышленниками.

Д.Ю. Струйский вводит целый ряд ярких персонажей (собираемый образ горожан, образы колдуньи Василисы, Дьячка, Шута), которые были самобытны и решали проблему изображения отечественной истории и русского национального характера.

Однако роман этот не стал популярным, как и его автор.

Почему «Литературная газета» всё же публикует произведение никому не известного прозаика Струйского и в то же время критикует аналогичный по проблематике роман Булгарина? Известно, что Дельвиг и Пушкин на страницах «Литературной газеты» боролись против «коммерческой» литературы, против «нечестных приёмов» в творчестве, потому и поддержали произведение Струйского.

Таким образом, исторический роман заслужил популярность в 1820–1830-е годы. Изображение эпохи «смутного времени» вызывало живой интерес. Сначала написанная А.С. Пушкиным в 1825 году трагедия «Борис Годунов!», потом вышедший в свет роман Ф.В. Булгарина «Димитрий Самозванец» и, наконец, опубликованный в «Литературной газете» «Отрывок из исторического романа “Димитрий Самозванец”» Д.Ю. Струйского (Трилунного).

Каждый из авторов пытался по-своему изобразить важный момент истории. Кто-то использовал нечестные приёмы и имел популярность (Ф.В. Булгарин), кто-то делал первые шаги в создании исторической прозы (Трилунный), а кто-то творил новую реалистическую трагедию (А.С. Пушкин).

Точку в этом вопросе ставит В.Ф. Одоевский в статье «О нападениях петербургских журналов на русского поэта А.С. Пушкина», он пишет: «Пушкин понял свое назначение в русской литературе, понял вес, который имя его придавало изданиям, удостаиваемым его произведений; он посмотрел вокруг себя и был поражён печальною картиною нашей литературной расправы, – её площадною бра-

нию, её коммерческим направлением, и имя Пушкина исчезло из многих, многих изданий! <...> И замолкли похвалы поэту. Замолкли когда же? Когда Пушкин создал «Полтаву» и «Бориса Годунова», два произведения, доставившие ему прочное, неоспоримое право на звание первого поэта России!» [4, с. 350].

Историческая тема «смутного времени» имела конкурентный характер. Этому способствовали непростые отношения Булгарина с Пушкиным и авторами его круга. Жизненные и литературные перипетии отразились на прозе «Литературной газеты. Уделив внимание произведениям об эпохе «смутного времени», газета выразила своё мнение о политической обстановке в стране, стала ареной борьбы за литературные вкусы читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературная газета, издаваемая бароном Дельвигом. СПб., 1830. Т. 1, № 11. С. 90. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи. В круглых скобках указываются римской цифрой том, затем номер газеты, арабской – страница.
2. Московский телеграф. 1829, № 15, август.
3. Недзвецкий В.А. История русского романа XIX века: неклассические формы. М.: Издательство Московского университета, 2011. 152 с.
4. Русская литература XIX века. 1800-1830-е годы. Хрестоматия мемуаров, эпистолярных материалов и литературно-критических статей. Изд. 3-е, дополн./ Под редакцией В.Н. Аношкиной, Т.К. Батуровой, С.А. Джанумова. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 2000. 744 с.